

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

М. БОРЛАНДИ

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ ГАБРИЭЛЯ ТАРДА

В эпоху, когда политические науки еще изучают государство, Габриэль Тард называет объектом будущей «политической социологии» власть. Такой подход имеет место, прежде всего, в его работе 1899 года «Трансформации власти»; она создана на основе двух циклов лекций и носит несистематический характер, свойственный вообще трудам этого автора, который склонен к постоянным отступлениям от основной темы. Эти качества обескураживали тех немногих социологов, которые анализировали данную книгу [8]. В настоящей статье я постараюсь свести содержание последней к ограниченному числу логически связанных между собой положений. Затем я покажу, как социология власти Тарда помогает прояснить один из игнорируемых аспектов его мышления. Наконец, я сформулирую три положения, позволяющие увидеть близость его социологии к институционализированной социологии власти XX века.

Средства, источники и способы конституирования власти

Власть (*pouvoir*), с самого начала уточняемая как «политическая власть» (*pouvoir politique*), по Тарду, есть неравным образом распределяемая способность, относящаяся к привилегиям: «привилегия заставлять повиноваться себе», которой пользуются «публичные авторитеты» (*autorités publiques*) [21, Р. 15]¹. Повсюду публичные авторитеты представляют «социальные превосходства» (*supériorités sociales*), называемые также «социальными престижами»

Борланди Массимо (род. в 1949 г.) — профессор социологии Туринского университета (Италия). Адрес: Dipartimento di Scienze Sociali. Università di Torino. Via S. Ottavio, 50. 10124 Torino, Italy.

Телефон: 0039 011 581-91-96.

Электронная почта: m.borlandi@virgilio.it

Пер. с франц. доктора социологических наук А.Б. Гофмана и Л.Ю. Спиридоновой. Рукопись статьи любезно предоставлена автором специально для публикации в «Социологическом журнале».

¹ Определение политической социологии как дисциплины, которая изучает власть, приводится здесь [21, Р. 116]: «Таким же образом наука о власти, политическая социология, должна будет...».

(prestiges sociaux). Примеры этих социальных превосходств представляют разного рода аристократические сословия, армия и, в определенных обстоятельствах, духовенство; даже богатство (собственность), знание (образование) и сам факт проживания в городе, а не в деревне могут оказываться престижными [21, ch. V-VI]. Представительство публичных авторитетов по отношению к социальным превосходствам является двойственным. Оно состоит в осуществлении полномочий и в сходстве авторитетов с превосходствами, и происходит это следующим образом: авторитеты заменяют собой превосходства, с которыми они делят статус. Они составляют особую и специализированную фракцию этих же самых групп.

Параллельно с этим и в соответствии с распространенным словоупотреблением Тард обозначает термином «власть» (pouvoir) субъектов, наделенных вышеупомянутой привилегией, например, как в тех случаях, когда говорят, что «власть требует» или что такое-то событие «полезно для власти». Именно таким образом рассматриваемые им трансформации власти (pouvoir) происходят от того, что авторитет и прежде всего престиж, из которого он выделяется, изменяется с течением времени².

Существует два типа авторитетов: «официальный» и «вне-официальный» («неограниченный»). Официальный авторитет — это правители. В современном государстве это правящие партии. Вместе с остальным законодательным образованием (оппозиционными партиями и бюрократией) они образуют государство. Внеофициальный авторитет — это управляющие «общественным духом» (esprit publique), «общественным сердцем» (coeur publique): проповедники, художники, литераторы, выдающиеся люди. Словом, это те, кто использует свое влияние, или, в сущности, интеллектуалы [21, P. 15-21].

Средств, которыми пользуется официальный авторитет, чтобы заставить себе подчиняться, или даже их ресурсов, всего четыре. Первый и самый важный — это сама их социальная база. Если власть есть выражение престижа, то следствия этого престижа должны быть видимыми, и они проявляются в почтении, в «восхищении», которое ему адресуют. В каком-то смысле авторитет престижен по определению. Другими средствами официального авторитета являются: сила (применяемая или которую грозят применить); аргументы, с которыми он обращается к управляемым; выгода, которую получают эти последние, следуя за ним, то есть преимущества, которые они извлекают или думают, что извлекают, из своего подчинения. Внеофициальный авторитет располагает только своим престижем и аргументами [21, P. 11, 14, 19, 47, 53, 218-219, 230-238].

Эти виды авторитета конкурируют между собой. Достаточно посмотреть на нынешнюю борьбу партий, которая, однако, едва ли менее очевидна, чем та, что существует между ними и влиятельными особами, желающими в

² «Трансформации власти» отчасти воспроизводят заголовок «Трансформаций права» [17]. На этом близость этих двух работ заканчивается из-за несравнимости трактовок соответствующих предметов. Право, способ социальной регуляции, подвержено настоящим изменениям (согласно Тарду, от обычного права к «законодательному праву» и от уголовного права — к праву личному и имущественному), тогда как власть, способность навязывать свою волю, всегда есть одно и то же явление.

них вступить и занимать важное положение, учитывая, что «каждая из форм <...> безграничного авторитета <...> в свою очередь стремится занять и достигает <...> определенного места среди форм официальной власти» [21, Р. 15]. Усиление соперничества между авторитетами означает, что социальные превосходства оспариваются, что среди них не существует (или больше не существует) такого, который был бы господствующим. Они стали многочисленными, и среди них есть те, которые находятся в упадке и те, которые на подъеме. Правило, согласно которому «каждая из великих форм социального престижа <...> порождает правительства, которые ей соответствуют» [21, Р. 15], требует в таком случае, чтобы также были проанализированы условия, благодаря которым некоторые формы престижа и соответствующие им правительства сохраняются дольше, чем другие.

Этот анализ проходит через различие «источников» и «каналов» власти. Источники власти — это причины того, что она непрерывно себя воспроизводит. Каналы — это способы ее формирования: вчера это было династическое наследование, сегодня это народный мандат, выборы. Психологический источник открывает путь историческим источникам.

Психологический источник — это «удовольствие быть защищаемым и управляемым», отражение склонности к субординации и повиновению, нечто вроде «непреодолимого наслаждения», которого избегают сильные личности. Именно среди этих последних, среди меньшинства, рекрутируются те, кто защищает и управляет [21, Р. 24]. Исторические источники власти — это те места, в которых стремление к подчинению облагораживается через воспитание. Смирению здесь учат как добродетели. Первое из этих мест — семья, начиная с первобытной или «социальной», группа, объединенная еще не кровным родством, а только совместным проживанием (*commensalisme*), а затем постепенно объединяемая посредством культа предка, который обеспечивает зарождение одновременно фигуры вождя и привычки приспособляться к его воле [21, Р. 25-29]. Другими историческими источниками власти являются: церковь, казарма, школа и мастерская [21, Р. 31-33, 35].

Вместе с развитием цивилизации удовольствие быть защищаемыми и управляемыми выражается в потребности, состоящей в том, чтобы защищались блага, которыми люди обладают, или чтобы управлялось приобретение тех благ, которых они желают, а поскольку боязнь быть лишенным имеющихся вещей соответствует также стремлению не потерять их, не может оставаться никаких сомнений относительно характерных черт авторитета, которому столь охотно подчиняются: «Люди <...> имеют склонность всегда подчиняться тому, кто, как они полагают, наиболее способен защитить блага, которые они желают больше всего сохранить, и управлять ими для достижения тех благ, к которым они больше всего стремятся» [21, Р. 35-36].

Вера в способность управляющих удовлетворять желания управляемых скрывает другую веру. Действительно, обычно мы верим в ценности. Мы верим также, что кто-то персонифицирует эти ценности наилучшим образом, и только после того, как мы идентифицировали этого кого-то как носителя и хранителя этих ценностей, мы верим в его способности [21, Р. 38-39].

Необходимо отделять эту веру от факта, что желания управляемых могут реально удовлетворяться, по двум причинам: потому что эта вера (как и все верования) может существовать долгое время даже в отсутствие доказательства,

что ее содержание истинно (примеры посредственных и, тем не менее, горячо одобряемых правителей, весьма многочисленны); и потому что желания управляемых могут удовлетворяться правителями без широкой поддержки (без уважения и любви). Это происходит, хотя и временно, каждый раз, когда послушание управляемых вознаграждается разного рода преимуществами [21, Р. 42-43].

Мы видим здесь расхождение между престижем и интересом как ресурсами власти, следствия которого можно легко оценить: «Опираясь <...> на общее и глубинное доверие, [авторитет] принимает благородный, возвышенный, *легитимный* вид <...>. Опираясь почти исключительно на публичный престиж, он содержит в себе нечто низкое, материальное, *тираническое*, в том смысле, которое это слово имеет в древнегреческом» [21, Р. 44]. Тем не менее, поскольку никакая власть не может долгое время обходиться без признания и любая власть должна, рано или поздно, доказать свою эффективность (показать, на что она способна), постольку можно сказать, что власть тем стабильней, чем более она способна удовлетворять желания, объекты которых совместимы с ценностями, обосновывающими веру в ее способности [21, Р. 188].

Социальный престиж и его правление сначала слабеют, а затем исчезают тогда, когда возникают следующие явления (одно или другое или сразу оба): 1) распространяются ценности, которые размывают веру в способности авторитета; 2) коллективные желания ориентируются на новые блага, что толкает управляемых на поиск лидеров («вожаков»), которые могли бы им их добыть.

Ценности и желания изменяются вследствие инноваций. Точнее, ценности изменяются вслед за открытиями, а желания изменяются вслед за изобретениями. Открытия — это знания, особенно научные, которые «предлагают новые концепции <...> цели жизни, смысла существования социальных институтов» [21, Р. 47]. Требуя (с эпохи Возрождения), чтобы вера согласовывалась с разумом, прогресс наук привел к тому, что власть обосновывает свои притязания иначе, чем через обращение к традиции. Изобретения, в последнее время, прежде всего, в области техники, примененные в работе мануфактур и на войне, содействовали развитию капитала в ущерб земельной ренте и экспансионизму империй; они распространили лихорадочную любовь к деньгам, ставшим более притягательными, чем фамильный герб [21, Р. 52-53].

Тем не менее, инновации (открытия и изобретения) не создаются и не функционируют сами по себе. За ними и за их использованием стоят выдающиеся личности. В действительности новаторы составляют меньшинство, которому не свойственно стадное стремление к субординации, являющееся также и стремлением к сохранению существующего, так что трансформации власти объясняются точно так же, как ее формирование: появляются один или два таких индивида, и положение меняется. Чем больше их будет, тем чаще власть будет переходить из рук в руки. «Чем больше в социальной группе будет инноваций <...>, тем больше будет <...> политических волнений» [21, Р. 36, 187-191].

В сравнении с открытиями и изобретениями способы формирования власти, то есть наследование и выборы, играют ограниченную роль в ее

трансформациях. Они могут их ускорять или замедлять, но не могут их вызывать или прекращать. Они ускоряют трансформации в той мере, в какой назначение побеждающего авторитета сопровождается ощущением, что он наделен своей миссией некими силами, которые сильнее обстоятельств. Способы формирования власти могут замедлять ее трансформации, тем не менее, назначение древних властей сопровождалось этим же чувством, так как «самые долговечные власти <...>, существовавшие на земле, — это те, что родились не из избирательной урны <...>, а из выбора воображаемого и мистического», выбора «божественной волей, о которой свидетельствует такая церемония, как посвящение в сан или коронование» [21, Р. 33, 45]. Лидерам же необходимо убеждать основательными доводами, что они наделены милостью божьей, тем самым показывая, однако, что они назначены «суевериями, предрассудками и распространенными представлениями» своего времени [21, Р. 118, 211-213]. Чем лучше они смогут убеждать, при прочих равных условиях, тем дольше они будут оставаться у власти.

Принимая во внимание эту способность авторитета порождать веру в свои особые качества, можно сделать вывод, что общественное мнение, которое, согласно многократно повторяющемуся тезису, одобряет или поддерживает правителей («против общественного мнения не правят»), не существует. Общественное мнение всегда зависело от вдохновителей, которые формируют его, моделируя сознания. Когда-то это были трибуны и проповедники. В настоящее время это журналисты («преданные или купленные») [21, Р. 13-14, 217-221].

Из-за потери влияния религии (секуляризации) и индустриальной революции, а также административной централизации, великая трансформация власти в Европе сопровождается перемещением престижа от поместного дворянства к столицам — очагам распространения ценностей и стремлений современности. Все, что там происходит, является объектом безграничного восхищения. Авторитет все больше исходит от тех, кто там проживает [21, Р. 54, 77-93, 106-109, 193, 202-204].

Помимо трансформаций власти, необходимо также рассматривать ее перемещения, то есть то, что определенные сегменты одного и того же социального слоя (выражения одного и того же престижа) следуют друг за другом в осуществлении функции правления. Трансформации для индивидов являются восхождением или падением. Перемещения — это изменения роли, но не уровня [21, Р. 40-41].

Остается установить, в каком смысле власть, определенная таким образом своими средствами, истоками и способами формирования, является «политической». Она является политической по порождаемым ею следствиям: временному социальному умиротворению, то есть разрешению конфликтов, поскольку политика — это поиск решения социальных конфликтов [21, Р. 4, 8-9]. Общества переживают бесконечные сражения и распри. Каждый из разнообразных видов соперничества заканчивается, когда предписание власти утверждает отношения силы, которые ее порождают и придают фактически свершившемуся правовой статус, и существует только та власть, которая может добиться этого результата. Неважно, что навязанное решение идет на пользу кому-то или самой власти. Важно то, что со временем оно становится образом действий, передаваемым от одного поколения другому, так что

«все, что просто социально, началось с того, что было политическим»; «социальная жизнь — это отложения, медленно нанесенные течением политической жизни» [21, Р. 9-10].

От власти к элитам

Тард представляет свою социологию власти как применение своей общей социологии, сосредоточенной на следующих четырех идеях: 1) верования и желания — это движущие силы человеческого поведения; 2) в начале любого социального явления — самостоятельная инициатива одного или нескольких изобретательных индивидов, которые подают пример; 3) любое социальное явление представляет собой результат комбинации серий повторяющихся примеров, а повторение примеров называется «подражание». *B*, близкий к инициатору *A*, повторяет то, что он увидел или услышал у *A*. *C* повторяет действие *B* и т. д. Иными словами, *B* подражает *A*, а *C* — *B*; 4) серии повторений примеров (подражаний) комбинируются так: одна серия повторений сталкивается с другой или другими сериями до тех пор, пока синтез или адаптация не кладет конец их оппозиции. На этой стадии новые серии, приведенные в действие новыми примерами, могут начаться вновь.

Первая идея не является специфической для тардовской социологии: достаточно напомнить «разделение» мнений и желаний в начале XIX века [7] и многочисленные объяснения социальных явлений в терминах потребностей, вкусов и индивидуальных склонностей до 1880 г.³ В данной идее проблему составляет способ использования Тардом слова «верование», так как он подразумевает два различных, хотя и связанных между собой объекта: одобряемое утверждение (убеждение) и нормативную ориентацию, которая составляет его основу и превращает его в установку, предрасполагающую к действию.

Вторая идея, напротив, составляет основание системы Тарда. Она содержит два суждения: 1) общество состоит только из индивидов (коллективы — это фикции); 2) индивиды не равны с точки зрения их способностей. Какую бы отрасль деятельности мы ни рассматривали, в ней всегда есть те, кто более способен, чем другие. В одном из главных мест своих «Законов подражания» он уточняет природу свойств, которые образуют превосходство индивида: речь идет о «телесных качествах», «мускульных» или же «нервических» (интеллектуальных), в зависимости от обстоятельств (*Les lois de l'imitation*, [18, Р. 254-257]). Общество не имеет почти никакого значения в их распределении.

Третья идея является ответом на вопрос «как возможно общество», если оно состоит только из индивидов, к тому же неравных в отношении их силы и мыслительных способностей. Общество возможно потому, что отношения взаимозависимости устанавливаются между его членами, характеризующимися тем фактом, что каждый индивид заимствует что-нибудь у других (= каждый индивид — одновременно образец для других и подражатель другим), начиная с неких исходных (мифических) времен, когда проявления силы или ума становились объектом восхищения, их старались повторять.

³ Дата выхода в свет статьи «Верование и желание», которую Тард рассматривал как отправной пункт своей теории [16].

Именно эта третья идея более всего сохранилась в памяти потомков, хотя, несмотря на это (или, может быть, вследствие этого) ее новизна обычно плохо понимается. Оригинальность этой идеи можно резюмировать в двух пунктах. 1) Тард ставит в один ряд повторение акта другого, или произвольное подражание, которое носит обдуманый характер и совершается для того, чтобы извлечь из него какую-то выгоду, и повторение акта другого, осуществляемое автоматически, под воздействием впечатлений, или непроизвольное подражание. 2) Он объединяет два противоположных объяснения непроизвольного подражания — посредством внушения и посредством заражения, рассматривая эти явления как два необходимых пути диффузии любой культурной черты. Внушение — это средство вертикальной передачи примеров, предполагающее расхождение в престиже между образцом и подражателем. *В* восхищается *А*. Он, следовательно, загипнотизирован им. Заражение — это средство горизонтальной передачи между двумя и более индивидами, находящимися в контакте. Соприкосновение само по себе распространяет пример. «Законы», согласно которым подражание происходит от высшего к низшему и выступает попеременно как обычай (примеры берутся из прошлого) и как мода (они берутся из-за границы), увенчивают эту конструкцию, которая завершается гиперболой: все в обществе есть подражание, кроме того, что является инновацией.

Наконец, четвертая идея — это уступка Тарда позитивистскому стремлению к унификации наук. Именно таким образом повторение, оппозиция и адаптация оказываются общими порождающими процессами в социальном мире и природе [20].

Эти четыре идеи, несомненно, присутствуют в «Трансформациях власти», но каждая из них здесь развивается по-разному.

Что касается первой идеи (верования и желания в качестве движущих сил человеческого поведения), то проблема, порожденная двойственностью тардовского понятия верования, референтом которого является одновременно одобрение и нормативная ориентация, решается подчеркиванием того обстоятельства, что правителям удастся вызывать веру в свои способности, только опираясь на ценности управляемых. Для того чтобы верование сохранялось или изменялось, нужно, чтобы поддерживались или изменялись безусловные принципы, из которых она исходит. В этом смысл апелляции лидеров к суевериям и предрассудкам своего времени [ср. также: 22, Р. 14-17].

Что касается второй идеи (источник всякого социального явления — деятельность изобретательных индивидов, подающих пример), то в данном случае она находит наилучшее подтверждение. Власть, и прежде всего власть, — это достояние групп, формирующихся вокруг первооткрывателей или их наследия. Во многих случаях, хотя и не постоянно, Тард также квалифицирует эти группы как «элиты» [18, Р. 223-224, 239, 242; 19, Р. 64, 170-171, 186-188, 219, 253, 273, 281; 22, Р. 4, 8, 64-65, 73, 83-84, 105, 121-124, 186], используя термин, который все чаще встречается во франкоязычном словаре политики и социальных наук. Словарь — это предмет конвенции, но с тех пор, как Тард использует это слово для обозначения совокупностей индивидов, в изобилии располагающих редкими материальными и символическими благами, термин «элиты» становится предпочтительным в сравнении со своими синонимами («социальные превосходства» и «социальный

престиж») в свете последующего развития, в результате которого под рубрикой «социология элит» стали располагать изучение меньшинств, повсюду захватывающих определенные привилегии, в том числе и власть. Современники Тарда хорошо понимают, что согласно ему элиты являются акторами истории [1, Р. 32-38]. Именно элиты, а не инертные и восторженные «толпы».

Как известно, теории элит (во всех областях) располагаются между двумя полюсами: либо в элиту входят благодаря личным способностям, и поэтому неизбежным становится как доступ в нее, так и исключение из нее; либо в нее входят потому, что наследуют социальные позиции или в них кооптируются, поскольку меньшинства, каким бы путем они ни сформировались, стремятся к самовоспроизводству. Теория Тарда размещается на первом полюсе. Способности, исходя из которых индивиды не равны, обнаруживаются при их рождении. Собственно «социальные» неравенства проистекают из этих исходных неравенств. Можно отметить прогрессирующее преобладание нервных телесных качеств над мускульными, по мере того, как престиж перемещается от поместного дворянства к столицам [18, Р. 258-259].

Что касается третьей идеи (любое социальное явление есть результат комбинации серий повторяющихся примеров), то Тард воспроизводит ее с упорством, требуемым главной идеей всей его жизни. В самом деле, только теория подражания как непроизвольного поведения оказывается подтвержденной этой социологией власти, и иначе не может быть, поскольку понятие подражания может существовать в социологии (как, впрочем, и в психологии), только если оно обозначает неререфлексируемое повторение акта другого. Вне этих границ подражательное объяснение вторгается на территорию фактов, уже по-иному и исчерпывающим образом объясненных. Это тем более верно, что у Тарда сфера распространения понятия подражания неопределенна, то есть оно применяется к неограниченному множеству явлений, а положения «Трансформаций власти» могут быть легко резюмированы без единого упоминания слова «подражание», как я здесь и сделал. В самом деле, если подражание есть все, то это все равно, что ничего. В целом объяснения через непроизвольное повторение в «Трансформациях власти» сводятся к двум основным. Первое, занимающее здесь наибольшее место, — через внушение, и второе — через заражение.

Объяснение через внушение относится к передаче приказов, верований и желаний: 1) от правителей и, в частности, официальных властей, к управляемым [21, Р. 16]; 2) от влиятельных иностранцев к партиям, отстаивающим моды; 3) от фабрикантов общественного мнения к «партиям-публикам». Партии, отстаивающие моды, импортирующие свои программы и являющиеся, как правило, прогрессистскими, противодействуют партиям, которые, защищая обычаи, обращены к традиции и в этом смысле являются консервативными [21, Р. 143]. Партии-публики представляют последнюю стадию эволюции партий. Сформированные из миллионов рассеянных индивидов, «чья сугубо духовная связь состоит из внушений на расстоянии, осуществляемых ежедневно <...> публицистами» (то есть сформированные из индивидов, подверженных воздействию одного и того же передатчика), — они оставляют за собой «партии-толпы», характерная черта которых — в том, что они включают «сборища, где <...> люди непосредственно воздействуют друг

на друга» [21, Р. 158-159]⁴. Власти, влиятельные иностранцы и производители общественного мнения обязаны своим успехом тому, что, будучи расположены на вершине социальной пирамиды, они соблазняют тех, кто находится на нижних уровнях.

Объяснение через заражение касается обострения различий в обществе, возникающего как только открытия и изобретения посеяли в нем раздоры по поводу ценностей (верований) и по поводу интересов (желаний), соответственно. Первые раздоры обычно более сильны, чем вторые [21, Р. 154, 157]. Это видно по тому, что индивиды ввязываются в них гораздо больше. Но они делают это в той мере, в какой обратное воздействие в местах их мобилизаций (скопления, площади, дороги) усиливают их страсти, а это и есть заражение.

Касаясь, наконец, четвертой идеи (серии повторений примеров комбинируются согласно прозрачной логике), можно утверждать, что Тард легко отождествляет временную социальную сплоченность, достигаемую властью, с адаптацией. Таким образом, мы имеем дело с циркулярным движением: аристократии, находящиеся у истоков конфликтов своими инновациями или эксплуатацией инноваций, берут на себя также и их прекращение.

То, что Тард как теоретик элит забыт, объясняется двумя причинами. Первая состоит в некоторой существенной амнезии, касающейся долгой дискуссии о роли, принадлежащей индивиду («личности», «великим людям») в генезисе социальных явлений. Начатая книгой Томаса Карлейля о героях, продолженная затем психологическими исследованиями о гениальности (является ли она наследственной, по утверждению Фрэнсиса Гальтона?) и о механизмах инноваций, понимаемых как синтетическая функция ментальной жизни, этот спор послужил подготовкой классического элитизма. Именно отсюда идет шумпетеровская теория предпринимателя-новатора как двигателя экономического развития (1912), пользующаяся авторитетом и в наши дни.

Вторая причина забвения Тарда как теоретика элитизма состоит в том, что социология элит очень быстро обратилась к изучению их воспроизводства и квалификации (приобретенных качеств), обеспечивающих рекрутирование элит, оставляя без внимания их предполагаемые врожденные качества [6, ch. 5]. Тем не менее, вплоть до Вильфредо Парето положение, согласно которому природа что-то значит в отборе меньшинств, управляющих миром, пользуется уважением. «Открытие» той части «Трактата по общей социологии», которая посвящена элитам и их циркуляции, представляется тогда согласующейся с социологией Тарда: «Нравится это некоторым теоретикам или нет, фактом является то, что человеческое общество не однородно, что люди различаются между собой физически, морально, интеллектуально» [12, § 2025].

Социология власти Тарда в перспективе

Социология власти институционализировалась в XX веке между парой дат, когда появились два разделяемые многими положения и три вопроса. Даты — это посмертное опубликование «Wirtschaft und Gesellschaft» Макса Вебера (1922) и статьи Толкотта Парсонса «On the concept of political power» (1963). Как показал Франсуа Шазель [4], с тех пор к этому мало что прибавилось.

⁴ Ср. также: [18, Р. 313-316] и [22, ch. I].

Два положения состоят в том, что 1) власть должна рассматриваться как отношение (во время взаимодействия, соединяющего *A* и *B*, *B* в результате изменяет свое поведение выгодным для *A* образом) и что 2) это отношение предполагает преднамеренные (*A* хочет изменить поведение *B* в свою пользу и добивается этого) и непреднамеренные (*B* изменяет свое поведение выгодным образом для *A*, хотя последний этого не хотел) модальности.

Что касается трех вопросов, вокруг которых институционализировалась социология власти, то они следующие: 1) сколько существует модальностей власти? 2) какова их специфика? и 3) какова степень автономии политической власти по отношению к другим властям — экономической, религиозной, власти организованных групп и власти ассоциаций?

Может оказаться полезным сравнить нынешние ответы на эти вопросы, ответы, прошедшие испытание эмпирических исследований, с теми, которые мы находим в «Трансформациях власти» Тарда. Это, как нам представляется, наиболее прямой путь, позволяющий установить, в какой мере эта работа может быть интегрирована в формирование социологии власти. Данное сравнение облегчается тем обстоятельством, что при анализе феномена власти постоянно учитывались средства, которыми *A* добивается подчинения *B* или которыми оно осуществляется так или иначе, и трудно себе представить, как можно обойтись без этого критерия.

Следует различать пять модальностей власти: принуждение, побуждение, убеждение, манипуляция и обусловливание⁵.

В принуждении, физическом или психическом, *A* угрожает *B* наказанием, или негативной санкцией, и в соответствующем случае его применяет. Тард упоминает эту модальность мимоходом, как нечто само собой разумеющееся, что верно. В побуждении *A* «покупает» подчинение *B* посредством вознаграждений, или позитивных санкций: деньгами или почестями. Тард, как я уже отмечал, считает эту модальность наиболее зыбкой. Власть, которая апеллирует только к интересу, опирается только на удовлетворение желаний, не имеет будущего.

В убеждении, точно так же, как и в манипуляции, *A* применяет аргументы, но они совсем другие по своей сути. Аргументы, используемые в убеждении, исключают сокрытие и искажение фактов. Это все то, что обыкновенно в убеждении подходит под определение «разумное». Напротив, аргументы, используемые в манипуляции, относятся к обману: *B* подводится к приспособлению на основе информации, которую называют ложной и тенденциозной. Рассматривая аргументы власти, Тард игнорирует убеждение, но не манипуляцию, в своих рассуждениях о способах ориентации общественного мнения и стимулирования коллективных верований, используемых вожаками и прессой. Все эти способы впоследствии будут классифицироваться как типично манипуляторские и составляющие элементы пропаганды.

Наконец, в обусловливании, которое Тард специально не рассматривает, *A* стремится к ситуации, в которой находится *B*. Изменить ее — значит принудить *B* пересмотреть свое поведение. Никакой особый ресурс не связывается с этой модальностью, но любой из них может оказаться полезным, учитывая, что для того, чтобы вмешаться в ситуацию *B*, *A* должен оказать воздействие на *C*, *D*, *E*.

⁵ Эту типологию можно найти в работах [2, 4, 10, 13, 15, 23].

Тард не рассматривает также первую из двух известных непреднамеренных модальностей власти: вероятностное «правило» «предвосхищающих реакций», впервые сформулированное Карлом Фридрихом в 1937 г. [9, Р. 203-206]. *B* знает или думает, что знает, как *A* будет реагировать на его действие, поэтому он ведет себя соответствующим образом. Средство, которым располагает здесь *A*, — это его репутация в смысле известности: если считается, что он может позитивно или негативно применять к кому-то санкции, то потому, что он это уже делал или обычно делает.

Иное дело, если мы попытаемся найти у Тарда вторую непреднамеренную модальность. Она описана Перси Патриджем [14, Р. 114] следующим образом: «*B* многократно подражает *A*, он принимает его мнения, его стиль, он делает то, что делает тот. Можно сказать, что *A* имеет власть над *B* в том смысле, что не желая этого, он принимает решения за *B*». Тард не цитируется, и не требуется его упоминать всякий раз, когда говорят о подражании, особенно в англо-саксонском мире⁶. Тем не менее, трактуемой таким образом модальности власти Тард уделяет наибольшее внимание, если только к этому добавить, что поведение *B* приносит пользу *A* (его подражание в действительности могло бы не иметь для него никаких последствий или даже причинять ему вред). Эта модальность представляет собой фасцинацию, то есть непреодолимое влечение (если смотреть на него со стороны *B*), ресурсом которого является престиж. Это влечение проистекает из внушения, если иметь в виду обуславливающий его психологический механизм.

Вклад Тарда в социологию власти, таким образом, почти целиком состоит в подчеркивании особой роли фасцинации, гипнотического влечения в социальном взаимодействии, поскольку этот элемент трансформирует отношения между двумя индивидами в отношении зависимости, то есть власти в чистом виде. Речь идет о вкладе очень ограниченном (не более половины страницы учебника социологии или социальной психологии), но весьма определенном. Его значение основано на двух утверждениях, связанных с продвижением анализа от простых отношений (учитель — ученик) к более сложным (вождь — приверженцы, государь — подданные). 1) Любая власть рано или поздно слабеет и рушится, если угасает ее исходное влияние. 2) Какой бы ни была модальность власти, в том числе отличная от рассмотренной нами фасцинации, она тем более действенна, чем с большей мерой фасцинации сочетается. Тот факт, что отчасти согласие подчиняться обладателям власти исходит от их личных качеств (иногда кому-то повинуются потому, что он нечто собою представляет, а не потому, что он что-то требует), — достаточно достоверен, поэтому легко увидеть, сколько тем затрагивает отмеченный таким образом вклад Тарда.

Необходимо связать понятие фасцинации с понятием влияния, необыкновенная судьба которого в XX веке характеризуется двумя чертами: это понятие в конце концов поглотило по крайней мере четыре модальности власти, такие как фасцинация, предвосхищаемые реакции, манипуляция и

⁶ Здесь классическим автором в области подражания, на которого обычно ссылаются, является Джеймс М. Болдуин.

убеждение; оно обрело отца (более достоверно установленного, чем другие) в лице Тарда, так что все чаще и чаще, кто говорит *влияние*, говорит *Тард*, и кто говорит *Тард*, тот говорит *влияние*⁷.

Необходимо сделать еще несколько ремарок по этому поводу.

1. Между фасцинацией, с одной стороны, и предвосхищаемыми реакциями, манипуляцией и убеждением — с другой, существует абсолютная неоднородность. Фасцинация базируется на так называемой предрасположенности индивидов (или некоторых из них, или же большого их числа в определенных условиях, в зависимости от обстоятельств) к машинальному поведению, к автоматической реакции на какой-то внешний стимул. Эта реакция, являющаяся в действительности пассивной, типична для того, кто действует и говорит в состоянии гипноза. Ничего подобного нет в других модальностях власти.

2. Тард теоретизировал по поводу фасцинации в том точном смысле, что за его словами о ней стоит основательно осмысленное представление о человеческом поведении. Это представление состоит в том, что люди проявляют активность под воздействием примеров, и чем больше примеров приходит сверху, тем больше люди пленяются ими. Напротив, никакой собственно «тардовской» идеи нет за тем, что автор «Законов подражания» утверждает относительно факта преследования властью своих целей также и другими средствами.

Теперь коснемся другой темы, позволяющей увидеть близость социологии власти Тарда и этой же дисциплины сегодня: речь идет об определении специфики политической власти. Данная специфика заключается в факте, что эта власть осуществляется на определенной территории посредством силы, последнего фактора, который она может легитимно использовать, согласно веберовскому определению государства; при этом связь между политической властью и государством состоит в следующем: первая заставляет ценить себя с помощью административного аппарата, который в первобытных обществах носит рудиментарный характер. Элемент, на который опирается Тард в определении «политического», разрешение конфликтов (социальное умиротворение), должен рассматриваться как вторичный, что не значит второстепенный. Философы, теоретики общественного договора, придавали ему наибольшее значение. Он продолжает занимать центральное место в теориях, приписывающих политической власти интегративную функцию⁸.

Наконец, что касается вопроса об автономии политической власти, третьего и последнего пункта в сравнительной оценке социологии власти Тарда, то здесь Тард своим тезисом, что «публичные формы авторитета» повторяют судьбу «форм социального превосходства», из которых они произошли,

⁷Текстом, в котором Тард наиболее высоко оценивается в качестве теоретика влияния, несомненно, является работа Кларка [5].

⁸ Я отметил выше, что Тард понимает легитимность власти, очень древнюю юридическую категорию, как веру в способность лидеров [ср. также: 21, Р. 44]. Поскольку эта вера адресована к другой способности, способности самих лидеров пробуждать эту веру, а она, в свою очередь и в конечном счете, — к их способности соблазнять, — легитимность веберовского харизматического типа и та, о которой говорит Тард, сходны между собой.

приходит главным образом к подчинению политической власти другим властям; и это наиболее устаревший аспект «Трансформаций власти». Действительно, социология власти по-настоящему продвинулась вперед только с того момента, когда начала мыслить в терминах взаимной дополнительности отношений между властями, придавая значение ситуациям, в которых политическая власть освобождается от своих социальных основ и становится особым фактором изменения [3].

Через работу одного из читателей Карла Маркса [11] Тард рассматривает наиболее распространенную версию предвзятого мнения, желающего, чтобы политическая власть всегда служила продолжением другой, главной и преимущественно скрытой. Заметки Тарда, ставящие целью объяснить, что политическая власть не привязана прямо к богатству, что она сообщается с ним только через престиж, что источником богатства являются изобретения [21, P. 63-65], доказывают, что он это мнение все же разделял.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bourdeau J.* Socialistes et sociologues. Paris: Alcan, 1905.
2. *Braud Ph.* Du pouvoir en général au pouvoir politique // *Traité de science politique / Sous la dir. de M. Grawitz, J. Leca.* Paris: PUF, 1985. 1. P. 335–393.
3. *Chazel F.* Pouvoir, structure et domination // *Revue française de sociologie.* 1983. Vol. 24 (3). P. 369–393. [Repris in: *Chazel F.* Du pouvoir à la contestation. Paris: LGDJ, 2003. P. 39–65].
4. *Chazel F.* Pouvoir // *Traité de sociologie / Sous la dir. de R. Boudon.* Paris: PUF, 1992. P. 195–226. [Repris en partie in: *Chazel F.* Du pouvoir à la contestation. Paris: LGDJ, 2003. P. 21–37, 67–73].
5. *Clark T.N.* Introduction // *Tarde G.* On communication and social influence. Chicago: The University of Chicago Press, 1969. P. 1–69.
6. *Coenen-Huther J.* Sociologie des elites. Paris: Colin, 2004.
7. *Comte A.* Séparation générale entre les opinions et les désirs (1819) // *Comte A.* Système de politique positive. Vol. 4. App. gén. Paris : Au Siècle de la Société positiviste, 1854.
8. *Favre P.* Gabriel Tarde et la mauvaise fortune d'un «baptême sociologique» de la science politique // *Revue française de sociologie.* 1983. Vol. 24 (1). P. 3–30. [Repris in: *Favre P.* Naissances de la science politique en France (1870-1914). Paris: Fayard, 1989. P. 145–169].
9. *Friedrich C.J.* Man and his government: An empirical theory of politics. New York: McGraw-Hill, 1963.
10. *Lasswell H.D., Kaplan A.* Power and society, a framework for political inquiry. London: Routledge & K. Paul, 1952 [1950].
11. *Loria A.* Les bases économiques de la constitution sociale. Paris: Alcan, 1893.
12. *Pareto V.* *Traité de sociologie générale // Pareto V.* Oeuvres complètes. Vol. XII. Genève: Droz, 1968 [1916].
13. *Parsons T.* On the concept of political power // *Proceedings of the American Philosophical Society,* 1963. Vol. 107 (3). P. 232–262. [Repris in: *Parsons T.* Politics and social structure. New York: The Free Press, 1969. P. 352–404].

14. *Partridge P.H.* Some notes on the concept of power // *Political Studies*. 1963. Vol. 11 (2). P. 107–125.
15. *Stoppino M.* Potere e teoria politica. Milan: Giuffrè, 1995.
16. *Tarde G.* La croyance et le désir // *Revue philosophique*. 1880. Vol. 10 (2–3). P. 150–180, 264–283. [Repris in: *Tarde G.* Essais et mélanges sociologiques. Lyon: Storck (Paris: Masson), 1895. P. 235–308].
17. *Tarde G.* Les transformations du droit. Paris: Alcan, 1894 [1893].
18. *Tarde G.* Les lois de l'imitation. Paris: Alcan, 1895 [1890].
19. *Tarde G.* La logique sociale. Paris: Alcan, 1898 [1895].
20. *Tarde G.* Les lois sociales. Paris: Alcan, 1898.
21. *Tarde G.* Les transformations du pouvoir. Paris: Alcan, 1899.
22. *Tarde G.* L'opinion et la foule. Paris: Alcan, 1901.
23. *Wrong D.* Power: its forms, bases, and uses. New Brunswick, NJ: Transactions Publishers, 1995 [1979].